

СИСТЕМНО-СТРУКТУРНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Иваницкий Виктор Павлович,

*доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита
Уральского государственного экономического университета,
Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62/45
ORCID: 0000-0002-7451-0420
nvp@usue.ru*

Дятел Евгений Петрович,

*доктор экономических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН,
Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29
ORCID: 0000-0002-4383-8060
dyatel1942@mail.ru*

Аннотация

В работе поставлена проблема бэкграунда – понятийного аппарата экономической науки, формирующегося в процессе ее исторического развития. Предмет исследования составляет рассмотрение фундаментальных работ по истории и теории научного познания экономической жизни общества; учебников по истории экономической мысли, экономической теории и экономическому образу мышления; научных произведений, претендующих на особый вклад в формирование понятийного бэкграунда. Выдвинуто предположение, что многообразный объем представлений и понятий об экономической жизни общества нуждается в упорядочении на основе системного подхода, включающего два базовых варианта. В традиционном системно-структурном подходе исследуемые феномены выводятся из единой причины и единого основания, что нашло наиболее полное выражение в марксистской трудовой теории стоимости. Трудности, возникающие в обосновании ключевых положений этой теории, поставили под сомнение ее научный статус и возможности практического применения. Общая теория систем (ОТС) доказала свой эвристический потенциал в различных областях научного знания, включая современную микроэкономическую теорию, широко использующую не только дифференциальные уравнения, но также теорию множеств, теорию игр и другое, и выглядит в глазах большинства представителей научного сообщества более перспективной. Отказ от познавательного потенциала системно-структурного подхода пред-

ставляется преждевременным. Последний позволяет вести исследование на категориальном уровне научного познания, начиная от заложенных Платоном и Аристотелем основ диалектики, с использованием логики развития научного мышления, представленной в работах Гегеля, и с его вершиной в материалистической диалектике К. Маркса. Не следует забывать, что важную часть неоклассики составляет австрийская школа, принципиально игнорирующая исчисление бесконечно малых приращений полезности и затрат и отдающая предпочтение системно-структурному видению предмета. Авторы выступают за синтез двух основополагающих направлений системного подхода к экономической жизни общества, что позволит сохранить достижения классической политической экономии в качестве бэкграунда современного экономического мышления.

Ключевые слова: политическая экономия, системно-структурный подход, общая теория систем, бэкграунд экономической теории.

Библиографическое описание для цитирования:

Иваницкий В.П., Дятел Е.П. Системно-структурный подход к формированию понятийного аппарата политической экономии // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 2, ч. 2. – С. 239–265. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-239-265.

Введение

Каждый этап развития экономической теории начинается с переосмысления понятийной основы. Этому процессу, который, в отличие от известного «эффекта колен», интегрирует в себе совокупность происходящих изменений, мы считаем возможным дать наименование «бэкграунд». *Background* переводится как *фон, задний план*. Часто этим термином обозначают жизненный путь, формирующий мировоззрение личности. В экономической теории бэкграунд представляет собой концентрированное выражение интеллектуального и профессионального опыта научного исследования хозяйственной жизни общества. В широком контексте это ретроспектива экономической мысли, на фоне которой происходят революционные преобразования экономического мышления, в узком – система базовых понятий экономической науки, формирующаяся в процессе ее становления и развития.

Далеко не всё из того, что в глазах современников предстает передним краем научных исследований, сохраняется в качестве бэкграунда. Отсюда специфика нашего исследования, в основу которого поставлено рассмотрение 1) фундаментальных работ по истории и теории научного познания экономической жизни общества; 2) апробированных учебников по истории экономической мысли, экономической теории и экономическому образу мышления; 3) научных произведений, в которых высказаны идеи, претендующие на особый вклад в формирование понятийного бэкграунда; 4) произведений, относимых к феноменам обыденного мышления,

в которых проявляются тенденции к выходу за пределы «эффекта колеи» и расширению понятийного аппарата экономической науки¹. Объединение достаточно разнородных источников информации и представленных в них выводов становится возможным на основе системного подхода, позволяющего сохранить единство и преемственность научного знания, что актуально не только для экономической теории [31]. Видение целостной картины позволяет обнаружить недостаточно проработанные аспекты формирования понятийного аппарата современного экономического мышления и сосредоточить на них более пристальное внимание.

Объект, предмет и метод экономической теории

Объект экономического исследования – хозяйственная деятельность людей. Ее изучают различные научные дисциплины, статус каждой из которых определяется предметом и методом. В отечественной литературе в качестве предмета экономической теории традиционно рассматриваются экономические отношения между людьми, возникающие по поводу использования ограниченных ресурсов. В западных изданиях четкого разграничения предмета и объекта, как правило, не дается. Мы связываем это с философской и отчасти лингвистической проблемой, когда латинское *objectum* в англоязычной литературе предстает как *object*: 1) предмет; вещь; 2) объект (изучения), который в аналитической философии воспринимается как совокупность эмпирически наблюдаемых свойств. В русскоязычной философской и политэкономической литературе немалое внимание уделяется диалектике объекта и предмета. Объект суть вещь, единичка бытия, которая обладает бесконечно многообразными свойствами (в нашем случае объект – хозяйственная деятельность человека и общества). Предмет – существенное для человеческой жизнедеятельности свойство объекта. В хозяйственной деятельности это экономические, прежде всего производственные, отношения (например, разделение труда). Они диалектически связаны со своей материальной основой – производительными силами, а также с воздействующей на них институциональной оболочкой – политическими и правовыми отношениями собственности.

Многообразие взаимосвязанных свойств и отношений предмета и объекта экономического исследования ставит вопрос о выборе метода. На эту роль претендуют анализ и синтез, индукция и дедукция, единство исторического и логического и т. д. Вместе с тем актуальна проблема метода, позволяющего выразить «специфическую логику специфического предмета» [21, т. 1, с. 325], и на этой основе синтезировать в единое целое различные стороны и свойства объекта экономической науки.

¹ Выдающимся образцом такого рода литературы остается «Басня о пчелах» Б. Манделля [19].

Способ выведения явлений из единой причины и единого основания – специфической формы и «материи» исследуемого объекта – принадлежит Аристотелю. У него человек не просто ориентируется в мироздании, но способен ставить и реализовывать цели сознательной жизнедеятельности. Для этого необходимо «обучение», совпадающее с общим путем научного познания, представляющим как единство индукции (наведения) и дедукции. Возникающий круг в доказательстве преодолевается на основе высокой культуры мышления, обуславливающей правильное мировоззрение: «...ибо человек обладает научным знанием, когда он в каком-то смысле обладает верой и принципы ему известны» [2, т. 4, с. 175]. Современные методологи следующим образом характеризуют этот процесс: «На определенном этапе рассуждения индуктивный переход от частных случаев к универсальному закону требует нелогичного мыслительного скачка, дополнительного элемента, вполне способного привести нас от верных предпосылок к ложным выводам. ...Это и есть знаменитая проблема индукции» [5, с. 57].

Перед создателями марксистской политэкономии стояла дилемма: ограничиться обобщениями на основе эмпирически наблюдаемых фактов или прибегнуть к принципам, основанным на историческом материализме и классовом подходе. Особенно остро это проявлялось по отношению к базовым понятиям: стоимости и прибавочной стоимости. Полученные методом «научной абстракции», они идентифицировались с производственными отношениями, недоступными человеческим органам чувств. Это снижало их доказательную силу и стимулировало поиск вещественной составляющей экономических категорий.

Ф. Энгельс, принимавший непосредственное участие в создании исторического материализма и редактировании 2-го и 3-го томов «Капитала», по-видимому, не смог примириться с тем, что за пределами предмета политической экономии формально оказывались важнейшие факторы общественного развития. На склоне лет он напишет: «Под экономическими отношениями, которые мы считаем определяющим базисом истории общества, мы понимаем тот способ, каким люди определенного общества производят средства к жизни и обмениваются между собой продукты (поскольку существует разделение труда). Таким образом, сюда входит вся техника производства и транспорта... В понятие экономических отношений включается далее и географическая основа ... а также, конечно, внешняя среда, окружающая эту общественную форму ... Раса же сама является экономическим фактором» [21, т. 39, с. 174]. Можно предположить, что, имея опыт практической предпринимательской деятельности, Энгельс сделал шаг к интеграции разнородных фактов хозяйственной жизни. Этот подход в современной экономической литературе называется новой или ра-

циональной эклектикой. Однако, осваивая его эвристический потенциал, следует помнить, что рациональная эклектика представляет элемент мировоззрения и не тождественна научному методу.

Ключ к анализу многообразной экономической действительности способен дать метод, структура которого *изоморфна* предмету, рассматриваемому в диалектической взаимосвязи с объектом исследования. Под изоморфизмом мы понимаем предметное единство различных объектов. Встает вопрос о методе их исследования. Этому требованию соответствует системный подход, а если говорить о современной экономической теории – *Общая теория систем* (ОТС). По мнению ее основателя Л. фон Бергаланфи, «прототипом описания систем являются системы дифференциальных уравнений, в общем случае нелинейных» [3, с. 42]. Успехи микроэкономики, ориентированной на предельный анализ, во многом определяются ее способностью строить математические модели, отражающие рациональное поведение экономических агентов.

Математические модели – не единственный способ системного исследования. Российским обществоведам хорошо знакомо имя А. Богданова – создателя «организационной науки». Как считают многие специалисты, она превзошла кибернетику [26, с. 25]. Заслуга Богданова состоит в попытке систематизировать при отсутствии явно выраженных количественных закономерностей вербальный аппарат науки. Исходный пункт его тектологии «заключается в том, что структурные отношения могут быть обобщены до такой же степени формальной чистоты схем, как в математике отношения величин» [6, с. 424]. Подобная формализация структурных отношений в виде диалектически взаимосвязанных категорий просматривается в трудах Аристотеля и Гегеля, а в дальнейшем плодотворно используется К. Марксом. Не случайно Л. фон Бергаланфи упоминает в качестве одной из предтеч «диалектику Маркса и Гегеля» [3, с. 34, 35], что позволяет охарактеризовать это направление исследования как *системно-структурный подход* – предпосылку и альтернативу ОТС.

Основные этапы и направления развития политической экономии

Существуют различные подходы к периодизации истории экономической мысли. Привычный для русскоязычной литературы нашел отражение в наименовании дисциплины «История экономических учений». Предполагается, что в соответствующем учебном курсе отражено всё многообразие школ и направлений и дана их классификация в соответствии с критериями прогрессивного развития. Достоинством такого подхода является возможность выявить генеральную линию в познании экономических законов. В нашем случае в качестве критерия периодизации выступает *системно-струк-*

турный подход, который в явном или неявном виде использовался приверженцами различных политэкономических концепций. Он не ставит своей целью и не может раскрыть богатство каждого из этапов истории экономической мысли. Мы попытаемся компенсировать указанный недостаток ссылками на соответствующие исследования и первоисточники.

Начальный этап экономической науки можно датировать трудами Аристотеля, в которых рассматриваются хозяйственные явления и процессы современного ему общества, а также, и это главное, в его произведениях получила обоснование логика и структура предмета научного исследования (рис. 1). При анализе хозяйственной деятельности эта логическая структура была использована как самим Аристотелем, так и его последователями для нужд нормативной экономической теории. Когда ее начали вытеснять эмпирические методы исследования, эвристический потенциал аристотелевской логики сохранился в «классическом образовании» [30, кн. 5, отд. III, статья II]. Он оказался востребован для систематизации категориального аппарата политической экономии и остается таковым в рамках неоклассики [14].

Родовой признак	Материя (материальный объект)	Форма объекта, или специфический предмет науки	Единство формы и содержания как закон движения изучаемого явления
Формальная причина (causa formalis)	Материальная причина (causa materialis)	Производящая причина (causa efficiens)	Целевая причина (causa finalis)

Рис. 1. Логическая структура предмета науки в диалектике Аристотеля [2, т. 1, кн. 6, гл. 8]

Существуют определенные закономерности, применимые к анализу развития живой материи, экономической жизни или различных форм ее отображения в общественном сознании. Один из важнейших законов определил Гегель, сформулировав принцип *совпадения логического и исторического*. Читателю, изучавшему творческое наследие К. Маркса, известен афоризм «Анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны» [21, т. 46, ч. I, с. 42]. Отметим, что Маркс оговаривается: «Даже самые абстрактные категории, несмотря на то что они – именно благодаря своей абстрактности – имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере и продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и в их пределах» [21, т. 46, ч. I, с. 41]. Эта трактовка соответствует материалистическому переосмыслению указанного выше принципа как *единства исторического и логического*.

Мы согласны с таким подходом в той мере, в какой он не означает запрета на применение наиболее развитых понятий экономической теории к анализу предшествующих стадий хозяйственного развития. Это относится и к словам К. Маркса: «Совокупность ... производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» [21, т. 13, с. 6, 7].

Маркс и его последователи неоднократно упоминают об активной роли надстройки и ее влиянии на хозяйственную жизнь. Права собственности и политические институты придают окончательную определенность экономической структуре общества. Осознание данного факта понижает политическую экономию и позволяет выделить основные этапы ее становления и развития. Видный западный историк экономической науки Э. Ролл подтверждает: «Экономическая структура любой эпохи и изменения, которые она претерпевает, являются первичными детерминантами экономического мышления» [41].

В отечественной литературе получила распространение концепция политической экономии в широком смысле слова [11]. Она сыграла положительную роль в привлечении внимания к экономическим проблемам докапиталистических общественных формаций и будущего «социалистического» общества. Более глубокое знакомство с этой проблемой привело к разграничению предмета исследования политической экономии, во-первых, с экономической антропологией и, во-вторых, с неоклассикой, тогда как «политическая экономия социализма» утратила статус научной дисциплины. Если ограничиться целями нашего исследования, то политическая экономия в широком смысле охватывает следующие направления становления и развития экономической науки: *меркантилизм* (выявление роли хозяйственной деятельности в становлении национальной государственности и национальной экономики) – *классическая политическая экономия* – *политэкономический бэкграунд* неоклассики, под которым мы понимаем базовые категории: труд, издержки, ценность и другие, сохраняющие свою преемственность с предшествующим этапом развития экономической науки.

Разумеется, подобная «генеральная линия» обедняет реальный процесс познания экономических явлений. Не учитывается синтетический и даже синкретический характер сменявших друг друга школ и направлений, обусловленный тем, что далеко не сразу стала превалировать позитивная составляющая экономического исследования. В политической экономии господствующим оставался нормативный анализ, представители которого выражали интересы различных классов современного им общества.

Меркантилизм

Большинство специалистов не рассматривают меркантилизм как школу экономической мысли, т. е. как экономическое учение, имеющее своих основоположников и последователей. Вместе с тем существует концептуальное единство меркантилизма, которое впервые (в негативном ключе) было охарактеризовано А. Смитом: «1) богатство состоит из золота и серебра; 2) эти металлы могут притекать в страну, не обладающую рудниками, только в результате *активного торгового баланса*, т. е. превышения экспорта над импортом» [10, с. 69]. Конечно, современное понимание шире и глубже, но и в нем выделяется «сердце меркантилизма – доктрина активного торгового баланса как неперемного условия благосостояния» [4, с. 9]. В связи с этим встает два вопроса: 1) применим ли к рассмотрению и обоснованию меркантилизма критерий системно-структурного подхода; 2) какое наследство меркантилизма получило признание на последующих этапах развития современного экономического мышления?

М. Блауг перечисляет «ведущие принципы научного мировоззрения меркантилистов: золото и сокровища любого рода как выражение сути богатства; регулирование внешней торговли с целью обеспечения притока в страну золота и серебра; поддержка промышленности путем импорта дешевого сырья; протекционистские тарифы на импортируемые промышленные товары; поощрение экспорта, особенно готовой продукции; рост населения для поддержания низкого уровня заработной платы» [4, с. 9].

На практике представители этого направления успешно проводили в жизнь протекционистскую внешнюю и внутреннюю экономическую политику государства как способы повышения благосостояния нации и развития ее производственного потенциала [43; 44, р. 166, 184], что, по нашему мнению, свидетельствует о системности их взглядов. Система мер по их реализации покоилась на представлениях об определяющей роли государства в качестве верховного собственника, распоряжающегося национальными ресурсами.

Экономическая политика предполагает наличие цели, определяющей методы и средства ее достижения. В качестве такой цели видные представители меркантилизма, как и многие из их предшественников и последователей, видели создание государства благосостояния. Об этом свидетельствуют труд неаполитанского графа и герцога Диомеде Карафы (1406–1487), мечтавшего о «сбалансированном бюджете, располагающем большими средствами, которые можно направить на повышение всеобщего благосостояния» (цит. по: [32, т. 1, с. 207]); произведение анонимного английского автора XVI в., переизданное в 1893 г. под названием

«A Discourse of the Common Wealth of this Realm of England» (Рассуждение об общем благе в Английском королевстве); труды Иоганна фон Юсти (1717–1771), исследовавшего «государство благосостояния» (Wohlfahrtsstaat) во всех его аспектах и исторической конкретности [32, т. 1, с. 218], и многие другие работы, которые рассматриваются в специальной литературе [38].

Перечислим средства реализации данной цели:

1) необходимо создание условий, которые бы не приводили к бегству из страны капитала и не угнетали бы труд; единственная проблема заключалась в методах управления этими процессами и их совершенствовании (Карафа);

2) рекомендуется оказывать поддержку новым отраслям промышленности, а также накапливать денежный резерв на случай непредвиденных обстоятельств, справедливо считая деньги «сокровищницей, в которой можно найти любые товары» и «нервом всех войн» (цит. по: [32, т. 1, с. 212]);

3) немецкий камералист Юсти «исходил из общего принципа, согласно которому свобода и безопасность – это все, в чем нуждаются промышленность и торговля» [32, т. 1, с. 219];

4) и, наконец, во всех трудах присутствует *causa finalis* экономической политики меркантилизма – национальная экономика. «Это не просто сумма всех индивидуальных хозяйств и фирм или всех групп и классов, находящихся в пределах государственных границ. Это своего рода идеальный объект, представляющий собой совокупное хозяйство, существующее само по себе, имеющее собственные интересы и потребности, которым следует управлять как большой фермой» [32, т. 1, с. 208].

Таким образом, в трудах меркантилистов структура предмета экономической науки определялась здравым смыслом «консультантов, администраторов и памфлетистов», отражавшим опыт хозяйственной деятельности формирующихся национальных государств, и аристотелевской логикой суждений (рис. 2).

Государство благосостояния (<i>causa formalis</i>)	Совокупное хозяйство (<i>causa materialis</i>)	Правление просвещенного «государственного деятеля» (<i>causa efficiens</i>)	Национальная экономика (<i>causa finalis</i>)
--	--	---	---

Рис. 2. Логическая структура предмета экономической науки в трудах меркантилистов («государственный деятель» – термин Джеймса Стюарта, введенный в его «Исследовании о принципах политической экономии» [An Inquiry into the Principles of Political Economy] (1767 г.). См. также: [42, p. 379])

Национальная экономика возникает на фоне процесса глобализации. Ее определяющей чертой является государственный суверенитет², обуславливающий защиту от внешних и внутренних деструктивных влияний. Основу суверенитета составляет национальная собственность на материальные, институциональные и духовные ресурсы. Собственность генерируется всей совокупностью общественных отношений, которые включают и домохозяйства, где возникают семейные отношения по обеспечению жизнедеятельности индивида и воспроизводству поколений. Подобного рода естественно выросшие отношения формируются также в рамках общины, иных территориальных поселений и первичных форм государственности.

Понятийная основа для анализа естественно выросших и исторически возникших общественных отношений заложена К. Марксом в рамках выделения первичной и вторичной, или «экономической общественной формации» [21, т. 23, с. 10; т. 46, ч. 1]. Теоретически водораздел между ними проходит по видам (формам) собственности, определяющим тот или иной критерий эффективности экономической и военно-политической системы общества. На практике конкретные формы собственности, а следовательно, и методы, которыми «просвещенный государственный деятель» управлял совокупным хозяйством, нередко представляли симбиоз редистрибутивных и экономических целей. Если обратиться к исследуемому нами периоду становления меркантилизма, совпадающему с возникновением национальных государств, то, по мнению Й. Шумпетера, «это был феодализм на капиталистической основе, военно-аристократическое общество, кормившееся за счет капитализма; своего рода симбиоз, в котором говорить о контроле со стороны буржуазии неуместно» [32, т. 1, с. 183]. Исторически он возник по мере укрепления национальных государств на основе «становления городской промышленности, стимулировавшего активизацию межгородского товарообмена и формирование внутреннего рынка, захватывавшего всю территорию страны» [20, с. 179].

Считается, что одним из базовых понятий, с которого начинается экономическая теория Нового времени, является *торговый баланс*. Выражая взаимную выгоду, которую получают торгующие стороны, оно относится к позитивной экономической науке. Меркантилисты давали различную оценку торговому балансу в зависимости от его активного или пассивного состояния. Если рядовой потребитель скорее заинтересован в пассивном торговом балансе, свидетельствующем о насыщении рынка импортной продукцией и получении излишка покупателя, то отечественный производитель предпочтет излишек продавца, связанный с активным торговым ба-

² Создатель теории государственного суверенитета Жан Боден писал: «государство есть осуществляемое верховной властью по праву управление множеством домохозяйств и их общим достоянием» [35, р. 1].

лансом. Однако экономическую политику определяют другие лица, возглавляющие иерархически организованную социальную структуру формирующихся национальных государств.

Для «просвещенного государственного деятеля» важнейшее значение имеет ресурс, имеющий максимальную ценность в случае форс-мажорных обстоятельств, которыми была пронизана политическая, военная и экономическая деятельность. Этот ресурс – золото и серебро, или мировые деньги. Их можно получить тремя основными способами. Во-первых, на основе внеэкономического присвоения факторов производства: земли, т. е. месторождений благородных металлов, и рабочей силы (рабов, крепостных, каторжан). Во-вторых, путем монополизации торговли важнейшими продуктами экспорта и импорта. В-третьих, на основе развития экспорта товаров и услуг.

В Латинской Америке испанскими завоевателями на высоте более 4 тыс. метров над уровнем моря был основан город Потоси. С населением более 100 тыс. чел. [7, с. 559; 8, с. 183] он стал в 1600 г. самым большим городом Западного полушария. Большинство жителей – индейцы кечуа, подневольный труд которых использовался на богатейших в мире серебряных копях [34] и в значительной степени обеспечивал торговый баланс крупнейшей в мире Испанской империи. Но внеэкономическое присвоение отнюдь не синоним бесплатности. Расходы на содержание армии, бюрократии, поддержание должного уровня жизни правящего класса аристократов были настолько велики, что большая часть драгоценных металлов попадала в распоряжение других, экономически развитых государств: «Испании, остававшейся, по видимости, хозяйкой серебра Нового Света, другие державы позволяли владеть этими далекими сокровищами лишь при условии, что она даст последним обращаться в качестве денег, общих для всех наций... Как и Португалия, в том, что касается золота, Испания стала “просто каналом” для белого металла своих колоний» [8, с. 488]. Поэтому не следует переоценивать значение торгового баланса. Целесообразно обратиться к эвристическому потенциалу входящих в понятийный аппарат исторического материализма категорий *необходимого* и *прибавочного продукта*, соотношение которых выражает социально-экономическую структуру военно-аристократического уклада и определяет величину ликвидных активов национальной экономики.

Исторический материализм в качестве философской основы марксистской политической экономии предполагает косвенный характер производства человеческой жизни [21, т. 3, с. 18, 19], т. е. альтернативное использование ресурсов в процессе трудовой деятельности для получения «прибавочного» (по сравнению с естественной жизнедеятельностью) дохода. Поиск альтернатив выполняют: 1) индивид, присваивающий ресурсы в процессе производства, распределения или потребления продуктов и услуг; 2) персона, которой верховный распорядитель ресурсов – глава общины, азиатской деспо-

тии, феодальной монархии и т. п., делегирует соответствующие полномочия в рамках естественно выросших разделения и кооперации труда; 3) частный собственник – распорядитель ресурсов, делегирующий свои полномочия и компетенции товаропроизводителю (фирме); 4) взаимодействующие представители различных видов и форм собственности. В первом случае речь идет о домохозяйстве, использующем ограниченные ресурсы для оптимального удовлетворения своих потребностей. Во втором кооперация ресурсов создает эффект масштаба, а их разделение повышает производительность физического и умственного труда непосредственных исполнителей и управленцев. Третий случай возможен, когда делегирование ресурсов и компетенций происходит при посредстве взаимовыгодного рыночного обмена. По мере перехода от первого варианта ко второму и третьему растут возможности альтернативного использования ресурсов и, следовательно, возрастает их ценность. Выбор предпочтительного варианта зависит от природных, технологических и иных условий, а также от экономических интересов субъектов отношений собственности. Четвертый случай представляет собой комбинацию вышеперечисленных и является наиболее распространенным.

Разделение на необходимый и прибавочный продукт возникает, если непосредственный участник производства осуществляет механические манипуляции с предметом и орудиями труда, а вся «косвенная» деятельность по постановке целей и организации трудового процесса переходит к менеджеру, обладающему властью и получающему на законном основании право распоряжаться дополнительным (прибавочным) доходом. Это становится возможным, когда собственность (на средства производства и результаты трудовой деятельности) отделяется от непосредственного производителя, и он вынужден работать ради сохранения прожиточного минимума или даже самой жизни. Производитель превращается в одушевленное орудие, а альтернативное использование ресурсов становится прерогативой собственника или управленца. Следует оговориться, что К. Маркс разрабатывал категории необходимого и прибавочного продукта в рамках своей теории товарно-капиталистического производства, не отрицая их применимости для других форм хозяйственного устройства. Такая возможность заложена в специфике подхода к анализу материального содержания исследуемого процесса, которое в ряде ключевых моментов редуцируется вплоть до своей естественно выросшей основы. Это позволяет, во-первых, вести учет в форме натуральных затрат факторов производства и, во-вторых, ставить вопрос о количественном делении конечного продукта. Величина необходимого продукта должна соответствовать объему продуктов и услуг, удовлетворяющих потребности индивида в физиологическом воспроизводстве его рабочей силы.

Излагая наше видение обсуждаемых понятий и их место в структуре военно-аристократической экономики, определим прибавочный продукт

как совокупность хозяйственных благ, выходящих за пределы удовлетворения потребностей простого воспроизводства работника и направляемых на накопление, а также обеспечение аппарата управления и нужд «непроизводительных» классов и слоев населения. При некоторой тавтологичности определения: прибавочный продукт суть тот, который не является необходимым – оно выражает факт получения добавочного дохода при альтернативных способах употребления ресурсов. Присвоение прибавочного продукта осуществляется посредством внеэкономических форм организации и управления, которые становятся «действующей причиной» военно-аристократического уклада. Последний находился в окружении и под воздействием механизмов торгового обмена, что ставит под вопрос его социально-экономический статус.

Говоря о развитии торговли, а по существу торгового капитализма, Ф. Бродель приводит в качестве образца «португальскую систему», распространившуюся от Лиссабона до Латинской Америки, Африки и Дальнего Востока и многим обязанную принявшим христианство иудеям-сефардам. При этом он указывает, что «истинным двигателем всех этих торговых операций была огромная контрабандная торговля перуанским серебром» [8, с. 149, 150]. Дальше мы читаем: «В Новом Свете Европа ради добычи драгоценных металлов воссоздала в большом масштабе новое рабство» [8, с. 186]. Его плодами пользовались не только хозяева-рабовладельцы. Пятая часть стоимости добытого серебра взыскивалась в виде налога в пользу испанской короны [8, с. 164]. И хотя это серебро (золото и другие доходы от подневольного труда) использовалось на нужды военно-бюрократического аппарата, потребности его представителей удовлетворялись за счет «никоим образом не скромного» спроса на продукцию «многочисленных и разнообразных производств Запада» [8, с. 186]. Нам это кажется весомым доводом, подтверждающим идею о синкретическом единстве военно-аристократического уклада и развивающегося торгового капитализма.

Чтобы запустить механизм (капиталистической) торговли, нужен был стимул, который как раз и совпадает с получением из имеющихся ограниченных ресурсов оптимума реального дохода. Таким стимулом является приток идеально ликвидного богатства, ставший идеологическим обоснованием экономической политики меркантилизма. Подытожим главные способы его получения. Во-первых, это внеэкономическое присвоение – контроль над производством или военная добыча драгоценных металлов и иных высоколиквидных товаров (пряностей, мехов и т. п.). Во-вторых, оказание финансовых, торговых, транспортных, военных услуг, которые вели к перераспределению ликвидного богатства. В-третьих, серийное производство товаров массового спроса – сельскохозяйственной (зерна, шерсти,

хлопка и т. п.) и мануфактурной (тканей, оружия и др.) продукции. Если не вдаваться в подробности движения перечисленных товаров и услуг, следует отметить, что всех их объединяло одно – более высокая альтернативная ценность конечной продукции по мере ее приближения к идеалу абсолютной ликвидности.

Золото и серебро представляли как всеобщий эквивалент товарного богатства, создаваемого из ограниченных материальных ресурсов человеческим трудом. Перед странами, не имевшими самостоятельного производства «идеально ликвидного богатства» (таковы были Англия, Голландия), актуальной становилась задача поддержания активного торгового баланса, т. е. профицита внешней торговли. Накопленные золото и серебро выступали спусковым крючком инфляции, которая становилась стимулом экономического роста, компенсирующего за счет использования первичных факторов производства – земли и труда – потерю платежеспособного спроса экономических агентов. Развитие товарного производства, ключевую роль в котором играла мануфактурная промышленность, вело к увеличению национального богатства, возрастанию экономического могущества государства. Это понималось памфлетистами и консультантами-администраторами как обоснование экономической политики своих стран.

Попробуем выразить историческую тенденцию меркантилизма в виде структурно-логической схемы, в которой осуществляется восхождение от военно-аристократического уклада (верхняя строка) к мануфактурному товарному производству (нижняя строка). Между ними мы поместили развитие механизмов торгового обмена, опосредующих процесс формирования национальной капиталистической экономики (рис. 3).

Простое воспроизводство национальной хозяйственной системы	Необходимый (в «физиологическом смысле слова») продукт	Внеэкономические формы организации и управления производством	Прибавочный продукт
			Развитие механизмов торгового обмена
Национальное (товарное) богатство	Развитие мануфактурной промышленности и товарного сельского хозяйства	Инфляционное стимулирование производства	Активный торговый баланс

Рис. 3. Развитие национального хозяйства как результат экономической политики меркантилизма

В качестве государственной политики, защищающей становление и развитие национальной экономики, меркантилизм не ушел в прошлое. К его идеям возвращались представители немецкой исторической школы и Дж. М. Кейнс [17, гл. 23]. Меркантилистские тенденции присутствуют в практике современных государственных «администраторов», включая лидеров ведущих мировых держав, и в творчестве «памфлетистов», освещающих тенденции деглобализации экономики [29]. Что касается теоретического наследия меркантилистов, его опосредованное влияние можно проследить в теориях денежного обращения и в формировании сравнительно новой для российского экономического образования дисциплины – «Национальная экономика». Если отвлечься от выявленной апостериори генеральной линии развития меркантилистских воззрений на экономическую политику национальных государств, то по сложившемуся среди специалистов мнению существовало: «меркантилистское “видение” реальности, с одной стороны, а с другой – по существу примитивный анализ, грешащий чаще умолченным, чем изреченным» [4, с. 16]. В целом соглашаясь с этим выводом, мы считаем необходимым подчеркнуть значение меркантилистского «видения», влияние которого на экономическое мышление населения, политиков и экономистов сохранилось до сих пор.

Классическая политическая экономия

«Каждый метод получает свой характер от сущности той области знания, в которой он применяется» [40, S. XIV; 24]. Сущность общественного производства находит выражение в экономической структуре общества, которая возникает в процессе использования земли, труда и капитала. Проблема их экономического статуса отчасти была решена Дж. Локком – основателем трудовой теории собственности. Он считал, что труд есть способ присвоения благ природы, и, являясь принадлежностью «собственной личности» человека, делает последние частной собственностью [18, с. 276–291]. Но Локк, как и его старший современник В. Петти, не показал структуру частной собственности, характеризующую отношения между людьми в связи с различными источниками дохода, включая движимое и недвижимое имущество. Принципиальное решение этой проблемы дал Р. Кантильон в «Очерке о природе торговли», выделив «три основных класса: 1) владельцы земли; 2) фермеры; 3) горожане и владельцы транспортных средств, доставляющих продукты из сельской местности в город» [10, с. 118, 119].

Здесь появляется классовая *структура*, имеющая непосредственное отношение к предмету нашего исследования. Она выделена по функциональному критерию *распределения* доходов («трех рент»), сопоставление которых предполагает единую субстанцию, определяющую стоимость распределяемого продукта. Кантильон воспроизводит «аристотелевскую» ди-

алектику формы и материи: «Земля является источником или материалом, из которого извлекается богатство; человеческий труд формирует продукт, а богатство само по себе есть не что иное, как пища, удовольствия и жизненные удобства»³ [36, р. 5]. Эти рассуждения вошли в арсенал выдающихся представителей политической экономии и неоклассики, которые настойчиво утверждали, что сам человек и его труд способны преобразовывать, но не создавать материальные объекты [22, с. 122, 123; 25, с. 122].

Российские исследователи считают, что Кантильон придерживался «земельной теории ценности»: «Чтобы свести к “земельной” мере стоимость труда, он предлагал измерять ее тем количеством земли, которую надо отвести для производства пищи и других вещей, необходимых одному работнику» [1, с. 52. Примечание]. Эта же тенденция проявилась у его предшественника – В. Петти, измерявшего «стоимость» затратами труда на производство серебра, и преемника – А. Смита, добавившего для долговременной перспективы «зерновую модель заработной платы». Да и К. Маркс, обосновавший понимание производственных отношений как специфической экономической материи, был вынужден искать основу стоимости в виде затрат труда «в физиологическом смысле слова». Исходя из вышеизложенного представляется правомерным выделение двух линий в обосновании предмета и метода политической экономии: 1) монистической линии (В. Петти, Ф. Кенэ, отчасти А. Смит, Д. Рикардо) и ее кульминации в трудах К. Маркса; 2) линии, которая с позиций сегодняшнего дня может быть охарактеризована как рациональная эклектика (Джемс Стюарт, А. Смит, Ж.Б. Сэй, отчасти Д. Рикардо, Дж.С. Милль). В современной литературе обе они отнесены к классической политической экономии, которая терминологически впервые была определена К. Марксом [21, т. 13, с. 39].

Предмет классической политической экономии – производственные отношения. Они генерируются разделением труда, с которого начинается Смит. Исследуя пропорции обмена, он утверждал, что «соотношение между количествами труда, необходимыми для приобретения различных предметов, было бы, по-видимому, основанием, которое могло служить руководством для обмена» [30, с. 103]. В этом состоит общественный характер труда. У Смита был предшественник – Б. МанDEVиль, предвосхитивший, наряду с идеей разделения труда как основы экономического прогресса, образ «невидимой руки», указав на «взаимные услуги» в обмене [28]. Как пишут редакторы издания «Новый Палгрейв», «идея непреднамеренных последствий не была исключительно шотландским изобретением. Она была характерна и для французских физиократов, которые говорили о социальных и экономи-

³ В связи с разночтениями в российских источниках приведем текст оригинала: «La terre est la source ou la matière d'où l'on tire la richesse; le travail de l'homme est la forme qui la produit: et la richesse en elle-même n'est autre chose que la nourriture, les commodités et les agréments de la vie».

ческих результатах как о подчиненных силам, “независимым от воли человека”. Отсюда возникло то, что может на первый взгляд показаться парадоксальным, а именно что в экономическом анализе “невидимая рука” действовала так, что важное место заняли как организации, так и структуры. ... можно сказать, что структуралисты всех мастей задачу своей дисциплины видят в том, чтобы сделать видимой эту “невидимую руку”» [16, с. XI].

Анализируя рождение физиократии, которая путем визуализации структур разделения труда и обмена сделала наглядной сущность общественного производства и стала первой научной школой политической экономии, французский исследователь А. Липидюс пишет о появлении «важных положений, за которыми теперь мы признаем их экономический характер. Этот последний проявляется прежде всего в новом понимании социальных отношений». Цели и общественный характер труда просвещенных индивидов смогут «соответствовать всеобщему интересу, который проистекает из гармоничной взаимозависимости индивидуальных интересов в рамках естественного порядка». Ф. Кенэ понимал, что труд, применяемый в различных общественных условиях, имеет различную альтернативную ценность. Он увязывал ее с *уровнем просвещения*, что приемлемо постольку, поскольку говорит о различном целевом назначении используемого ресурса (см. [33, с. 128, 129]).

Остается вопрос об объективной обусловленности общественного характера подобной деятельности. Кенэ ищет материальную (природную) причину стоимости, считая производительным только сельскохозяйственный труд, создающий «чистый продукт». Увеличение его «альтернативной ценности» совпадает с количественным приростом сельскохозяйственной продукции, который достается земельному собственнику. Возникает возможность проследить циркуляцию необходимого⁴ и прибавочного продукта. В «Экономической таблице» Кенэ впервые реализован синтез натурально-вещественного содержания и общественной формы процесса воспроизводства, развитый впоследствии во втором томе «Капитала» К. Маркса. В обоих случаях воспроизводственный анализ основан на редукции общественного характера труда к природнообусловленному содержанию.

Одной из задач «Науки логики» Гегеля было обоснование исторического развития форм человеческого мышления, которое, по его мнению, восходило от абстрактного к конкретному – от бытия к сущности, затем к явлению и действительности. Маркс соглашался с такой последовательностью, когда речь шла об «усвоении конкретного» путем применения геге-

⁴ Необходимый продукт оценивается по известным нормам: «Сравните заработок рабочих, которые заняты изготовлением промышленных изделий, с заработком рабочих, которых землевладелец использует для обработки земли, и вы увидите, что заработок тех и других ограничен средствами существования этих рабочих, что этот заработок не представляет собой возрастания богатства ...» [33, с. 147. Примечание].

левской диалектики к познанию хозяйственной жизни общества. Но применительно к истории экономической мысли он «переворачивал» гегелевскую диалектику с головы на ноги, т. е. прослеживал в «Теориях прибавочной стоимости» [21, т. 26, ч. 1, 2, 3], а также в других работах, например в «К критике политической экономии» [21, т. 13], последовательные ступени восхождения от конкретного к абстрактному и лишь затем перешел к построению системы экономических категорий. Стоимость, по мысли Маркса, представляет собой производственное отношение, как он показал в критике «по-шотландски» понимающего эту категорию А. Смита [21, т. 13, с. 154]. Ранее, в «Экономических рукописях 1857–1859 гг.», Маркс рассматривает *труд вообще* как категорию, реально существующую в докапиталистических обществах, и ставит в заслугу А. Смиту ее использование [21, т. 46, ч. 1, с. 40, 41]. Завершается восхождение от конкретного к абстрактному в «Началах» Д. Рикардо, охарактеризовавшего товар как бытие относительных затрат труда [27, с. 33–40]. Здесь найден отправной пункт в построении системы категорий политической экономии. Дальнейшее восхождение от абстрактного к конкретному привело К. Маркса к выводу о *двойственном характере труда*, определявшем субординацию и координацию атрибутов товара с конкретным и абстрактным трудом.

Мы присоединяемся к мнению, что теория прибавочной стоимости не нашла подтверждений в современной экономической действительности. Причиной является недостаточная проработанность базовых положений трудовой теории стоимости (подробнее см. [13]). Для приведения в соответствие с принятыми самим Марксом методологическими требованиями установим координацию между *потребительной стоимостью* и *абстрактным трудом* (оба свойства измеряются в натуральных единицах), и между *менной стоимостью* и *конкретным трудом*, имеющими сугубо общественные характеристики (рис. 4).

Полезность вообще	Потребительная стоимость	Меновая стоимость (альтернативная ценность продукта)	Общественная потребительная стоимость (товар)
			Овеществленный труд
Труд вообще	Абстрактный труд (затраты труда в физиологическом смысле слова)	Конкретный труд (общественный характер труда)	Общественно необходимый (частный) труд

Рис. 4. Базовые понятия трудовой теории стоимости (в интерпретации автора работ [13, 14])

В этом, модифицированном, виде они 1) напоминают высказывания Джеймса Стюарта, подвергнутые критике К. Марксом [21, т. 13, с. 44]; 2) выражают отход от монистической теории трудовой стоимости; 3) корреспондируют с базовыми понятиями неоклассики [13]; делают актуальным обращение к теориям альтернативной стоимости (ценности) [14].

Заключение

В предлагаемой работе поставлена проблема бэкграунда – понятийного аппарата экономической науки, формирующегося в процессе ее исторического развития и претендующего на роль теоретико-методологической предпосылки современного экономического мышления. Рассмотрен ключевой этап, совпадающий со становлением классической политической экономии. Выдвинуто предположение, что многообразный объем представлений и понятий об экономической жизни общества нуждается в упорядочении на основе системного подхода, включающего два основных направления своего формирования и развития. Общая теория систем (ОТС) доказала эвристический потенциал в различных областях научного знания, включая современную микроэкономическую теорию, широко использующую не только дифференциальные уравнения, но также теорию множеств и др. [23]. В системно-структурном подходе реализуется «монистическая», точнее диалектико-материалистическая, линия выведения исследуемого явления, достигнувшая вершины в марксистской трудовой теории стоимости. Трудности, возникающие в обосновании базовых положений этой теории, поставили под сомнение ее научный статус. Однако мы считаем преждевременным желание перечеркнуть познавательный потенциал системно-структурного подхода в осмыслении экономической действительности. Судьба австрийской, в дальнейшем новой австрийской, школы, принципиально игнорирующей исчисление бесконечно малых приращений полезности и затрат, напоминает дискуссию между сторонниками и противниками дифференциального исчисления. В математике эта дилемма привела к возникновению инфинитезимального анализа, в котором, по мнению его разработчиков, «предложено новое понимание метода неделимых, восходящего к глубокой древности, и осуществлен синтез подходов к дифференциальному и интегральному исчислению, предложенных его основоположниками» [12, с. 6]. Подобный синтез возможен между основополагающими направлениями системного анализа экономической жизни общества, что и обусловило выбор темы предлагаемого исследования и полученные выводы.

Литература

1. История экономических учений: учебное пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. – М.: Инфра-М, 2009. – 784 с.
2. *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1975–1984. – Т. 1, 2, 4.
3. *Берталанфи А.* Общая теория систем – обзор проблем и результатов / сокр. пер. с англ. выполнен Б.Г. Юдиным // Системные исследования: ежегодник. – М.: Наука, 1969. – С. 30–54.
4. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. – М.: Дело, 1994. – 720 с.
5. *Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / пер. с англ., науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. – М.: Журнал Вопросы экономики, 2004. – 416 с.
6. *Богданов А.А.* Тектология: всеобщая организационная наука. – М.: Финансы, 2003. – 496 с.
7. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Прогресс, 1986. – 622 с.
8. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. – М.: Прогресс, 1988. – 632 с.
9. *Бурбаки Н.* Начала математики. Ч. 1. Основные структуры анализа, кн. 1. Теория множеств / пер. с фр. под ред. В.А. Успенского. – М.: Мир, 1963. – 455 с.
10. *Гловели Г.Д.* История экономических учений: учебное пособие для бакалавров. – М.: Юрайт, 2012. – 742 с.
11. *Гловели Г.Д.* Политэкономия в широком смысле: элементы институционализма и утопизма // Вопросы экономики. – 2010. – № 10. – С. 113–134.
12. *Гордон Е.П., Куряев А.Г., Кутателадзе С.С.* Инфинитезимальный анализ. – М.: Наука, 2011. – 398 с.
13. *Дятел Е.П.* Критерии научной достоверности и способы повышения эвристического потенциала экономической теории // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 513–527.
14. *Дятел Е.П.* Формирование понятийной структуры классической политической экономии как предпосылка маржиналистской революции // Журнал экономической теории. – 2020. – Т. 17, № 1. – С. 1–16.
15. *Зорич В.А.* Математический анализ. Ч. 1. – М.: Наука, 1981. – 543 с.
16. «Невидимая рука» рынка: пер. с англ. / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена; науч. ред. Н.А. Макашева. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. – 388 с. – (The New Palgrave).
17. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег; Избранное. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с. – (Антология экономической мысли).
18. *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3. – С. 135–406. – (Философское наследие; т. 103).
19. *Мандевиль Б.* Басня о пчелах. – М.: Мысль, 1974. – 376 с.

20. *Мальцев Ал.А.* Эволюция экономической мысли в контексте развития мирового хозяйства. – М.: ТЕИС, 2017. – 397 с.
21. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955–1981. – Т. 1, 3, 13, 23, 26, ч. 1–3, 39, 46, ч. 1.
22. *Маршалл А.* Принципы политической экономии. В 3 т. Т. 1 / пер. с англ. Р.И. Столлера; общ. ред. и вступ. ст. С.М. Никитина. – М.: Прогресс, 1983. – 415 с.
23. *Мас-Коллел А., Уинстон М., Грин Д.Р.* Микроэкономическая теория. Кн. 1–2. – М.: Дело, 2016. – 1333 с.
24. *Менгер К.* Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. – М.: Экономика, 1992. – С. 31–242.
25. *Милль Дж.С.* Основы политической экономии. В 3 т. Т. 1. – М.: Прогресс, 1980. – 495 с.
26. *Поваров Г.Н.* Норберт Винер и его «Кибернетика» (от редактора перевода) // Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. – 2-е изд. – М.: Наука, 1983. – С. 5–28.
27. *Рикардо Д.* Сочинения. В 5 т. Т. 1. Начала политической экономии и налогового обложения. – М.: Госполитиздат, 1955. – 360 с.
28. *Розенберг Н.* Бернард Мандевилль // «Невидимая рука» рынка / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. – С. 267–270.
29. *Селищев Н.Ю.* Наследие меркантилизма и тенденции деглобализации на примере кризиса Европейского союза. – 2017. – 31 января. – URL: <https://medium.com/semi-ras/наследие-меркантилизма-и-тенденции-деглобализации-на-примере-кризиса-европейского-союза-e9a014049се6> (дата обращения: 17.05.2021).
30. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / предисл. В.С. Афанасьева. – М.: Эксмо, 2007. – 957 с.
31. *Силин Я.П., Анимица Е.Г.* Эволюция парадигмы региональной экономики // Journal of New Economy. – 2020. – Т. 21, № 1. – С. 5–28. – DOI: 10.29141/2658-5081-2020-21-1-1.
32. *Шумпетер Й.А.* История экономического анализа: в 3 т. / пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. – СПб.: Экономическая школа, 2001. – 3 т.
33. Экономическая теория в историческом развитии. Взгляд из Франции и России / под общ. ред. А.Г. Худокормова и А. Лапидюса. – М.: Инфра-М, 2016. – 783 с.
34. *Bakewell P.J.* Miners of the Red Mountain: Indian Labor in Potosí, 1545–1650. – Albuquerque: University of New Mexico Press, 1984. – 213 p.
35. *Bodin J.* Les six livres de la République: Un abrégé du texte de l'édition de Paris de 1583 / Édition et présentation de Gérard Mairet. – Paris, 2011.
36. *Cantillon R.* Essai sur la nature du commerce en general (1755) / Français modernisé par Couvreur Stéphane. – 2011. – Décembre 3. – URL: <https://www.institut-coppet.org/cantillon-essai-sur-la-nature-du-commerce-en-general-1755/> (accessed: 17.05.2021).

37. *Cantor G.* Gesammelte Abhandlungen: mathematischen und philosophischen inhalts. – Berlin: Springer, 1932. – 486 p.
38. *Heckscher E.F.* Mercantilism / Introduction by L. Magnusson. – London; New York, 1994. – 478p.
39. *MacRaild D.M., Taylor A.* Social Theory and Social History. – New York: Palgrave Macmillan, 2004. – 203 p.
40. *Menger C.* Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. – Wien: W. Braumüller, 1871. – 285 S.
41. *Roll E.* The History of Economic Thought. – London: Faber and Faber, 1938. – 430 p.
42. *Urquart R.* The trade wind, the statesman and the system of commerce: Sir James Steuart's vision of political economy // European Journal of the History of Economic Thought. – 1996. – Vol. 3, N 3. – P. 379–410.
43. *Wallerstein I.* The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750. – New York; London: Academic Press, 1980. – 370 p.
44. *Wilson C.* England's Apprenticeship, 1603–1763. – London; New York: Longman, 1984. – 433 p.

Статья поступила в редакцию 16.09.2020.

Статья прошла рецензирование 21.10.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-239-265

SYSTEM-STRUCTURAL APPROACH TO THE FORMATION OF A CONCEPTUAL APPARATUS OF POLITICAL ECONOMY

Ivanitsky Viktor,

Dr of Sc. (Economics), Professor,

Professor of the Department of Finance, Monetary Circulation and Credit,

Ural State Economic University,

62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli Street, Ekaterinburg, 620144, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-7451-0420

nvp@usue.ru

Dyatel Evgeny,

Dr of Sc. (Economics), Professor,

Leading Researcher, Institute of Economics, UB RAS,

29 Moskovskaya Street, Ekaterinburg, 620014, Russian Federation;

Professor, Department of Economic Theory and Corporate Governance

Ural State Economic University,

62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli Street, Ekaterinburg, 620144, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-4383-8060

dyatel1942@mail.ru

Abstract

The paper poses the problem of the background as the conceptual apparatus of economic science, which is formed in the process of its historical development. The subject of the research is the study of fundamental works on the history and theory of scientific thought of the economic life of society; textbooks on the history of economic thought, economics and the economic way of thinking; scientific works that claim a notable contribution to the formation of a conceptual background. We have suggested that the diverse scope of ideas and concepts about the economic life of society needs to be aligned in a systematic approach that includes two basic options. In the traditional systemic-structural approach, the studied phenomena are derived from a single cause and a single foundation, which is most fully expressed in the Marxist labour theory of value. Difficulties arising in substantiating the key provisions of this theory have cast doubt on its scientific status and the possibility of practical application. General systems theory (GTS) has proven its heuristic potential in various fields of scientific knowledge, including modern microeconomic theory, which widely uses not only differential equations but also set theory, game theory, etc., and looks more promising for most representatives of the scientific community. The rejection of the cognitive potential of the systemic-structural approach seems premature. It makes it possible to analyze at the categorical level of scientific knowledge, starting from the foundations of Plato and Aristotle dialectics, using the logic of the scientific thought development presented in Hegel's works, and its peak in the materialistic dialectics of Karl

Marx. We should not forget what an important part of neoclassicism is the Austrian school, which ignores the calculus of infinitely small increments of utility and costs and gives preference to the systemic and structural vision of the subject. The authors advocate the synthesis of two fundamental directions of the systemic approach to the economic life of society, which will preserve the achievements of classical political economy as a background for modern economic thought.

Keywords: political economy, systemic-structural approach, general systems theory, background of economic theory.

Bibliographic description for citation:

Ivanitsky V., Dyatel E. System-Structural Approach to the Formation of a Conceptual Apparatus of Political Economy. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 2, pt. 2, pp. 239–265. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-239-265.

References

1. Avtonomov V., Anan'in O., Makasheva N., eds. *Istoriya ekonomicheskikh uchenii* [History of economic studies]. Moscow, Infra-M Publ., 784 p.
2. Aristotle. *Sochineniya*. V 4 t. T. 1, 2, 4 [Tractates. In 4 vol. Vol. 1, 2, 4]. Moscow, Mysl' Publ., 1975–1984. (In Russian).
3. Bertalanffy L. von. General System Theory: A Survey. *Sistemnye issledovaniya* [System Studies]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 30–54. (In Russian).
4. Blaug M. *Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive* [Economic Theory in Retrospect]. Moscow, Delo Publ., 1994. 720 p. (In Russian).
5. Blaug M. *Metodologiya ekonomicheskoi nauki, ili Kak ekonomisty ob'yasnyayut* [Methodology of economic science, or As economists explain]. Moscow, Zhurnal Voprosy ekonomiki Publ., 2004. 416 p. (In Russian).
6. Bogdanov A.A. *Tektologiya: vseobshchaya organizatsionnaya nauka* [Essays in tektology: The general science of organization]. Moscow, Finansy Publ., 2003. 496 p.
7. Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle*. T. 1. *Les Structures du Quotidien: le possible et l'impossible*. Paris, Armand Colin, 1979 [In English: *Civilization and capitalism. 15th–18th Centuries*. Vol. 1. *The Structures of Everyday Life*] (Russ. ed.: Brodel' F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* T. 1. *Struktury posvednevosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe*. Moscow, Progress Publ., 1986. 622 p.).
8. Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle*. T. 2. *Les Jeux de L'Echange*. Paris, Armand Colin, 1979 [In English: *Civilization and capitalism. 15th–18th Centuries*. Vol. 2. *The wheels of commerce*] (Russ. ed.: Brodel' F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* T. 2. *Igry obmena*. Moscow, Progress Publ., 1988. 632 p.).
9. Bourbaki N. *Nachala matematiki*. Ch. 1. *Osnovnye struktury analiza*, kn. 1. *Teoriya mnozhestv* [The beginning of mathematics. Pt. 1. The main structure of the analysis. Bk. 1. Theory of sets]. Moscow, Mir Publ., 1963. 455 p. (In Russian).

10. Gloveli G.D. *Istoriya ekonomicheskikh uchenii* [History of economic studies]. Moscow, Yurait Publ., 2012. 742 p. (In Russian).
11. Gloveli G.D. Politekonomiya v shirokom smysle: elementy institutsionalizma i utopizma [Political economy in the broad sense: elements of institutionalism and utopianism]. *Voprosy ekonomiki = Problems of Economic Transition*, 2010, no. 10, pp. 113–134. (In Russian).
12. Gordon E.I., Kusraev A.G., Kutateladze S.S. *Infinitesimal'nyi analiz* [Infinitesimal analysis]. Moscow, Nauka Publ., 2011. 398 p. (In Russian).
13. Dyatel E.P. Kriterii nauchnoi dostovernosti i sposoby povysheniya evristicheskogo potentsiala ekonomicheskoi teorii [Criteria of scientific certainty and ways to increase the heuristic potential of economic theory]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii = Journal of Economics and Economies*, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 513–527.
14. Dyatel E.P. Formirovanie ponyatiinoi struktury klassicheskoi politicheskoi ekonomii kak predposylka marzhinalistskoi revolyutsii [The formation of the conceptual structure of classical political economy as a prerequisite for a marginalist revolution]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii = Journal of Economics and Economies*, 2020, vol. 17, no. 1, pp. 1–16.
15. Zorich V.A. *Matematicheskii analiz*. Ch. 1 [Mathematical analysis. Pt. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 543 p.
16. Eatwell J., Milgate M., Newman P., eds. *The Invisible Hand: The New Palgrave*. New York, Norton, 1989 (Russ. ed.: “*Nevidimaya ruka*” *rynka*. Ed. by J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman. Moscow, HSE Publ., 2009. 388 p.).
17. Keynes J.M. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg; Izbrannoe* [General theory of employment, interest and money]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 960 p. (In Russian).
18. Locke J. Dva traktata o pravlenii [Two Treatises of Government]. Locke J. *Sochineniya*. V 3 t. T. 3. [Works. In 3 vol. Vol. 3]. Moscow, Mysl' Publ., 1988, pp. 135–406. (In Russian).
19. Mandeville B. *Basnya o pchelakh* [The Fable of the Bees]. Moscow, Mysl' Publ., 1974. 376 p. (In Russian).
20. Mal'tsev A.I.A. *Evolutsiya ekonomicheskoi mysli v kontekste razvitiya mirovogo khozyaistva* [The evolution of economic thought in the context of the development of the world economy]. Moscow, TEIS Publ., 397 p.
21. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1955–1981, vol. 1, 3, 13, 23, 26, pt. 1–3, 39, 46, pt. 1. (In Russian).
22. Marshall A. *Printsipy politicheskoi ekonomii*. V 3 t. T. 1 [The principles of political economy. In 3 vol. Vol. 1]. Moscow, Progress Publ., 1983. 415 p.
23. Mas-Colell A., Winston M., Green D.R. *Mikroekonomicheskaya teoriya*. Kn. 1–2 [Microeconomic theory. Bk. 1–2]. Moscow, Delo Publ., 2016. 1333 p. (In Russian).
24. Menger K. Osnovaniya politicheskoi ekonomii [The Foundations of Political Economy]. *Avstriiskaya shkola v politicheskoi ekonomii: K. Menger, E. Bem-Bawerk, F. Vizser* [Austrian School in Political Economy: C. Menger, F. Von Wieser, E. Böhm von Bawerk]. Moscow, Ekonomika Publ., 1992, pp. 31–242. (In Russian).

25. Mill J.S. *Osnovy politicheskoi ekonomii*. V 3 t. T. 1 [Mill, John Stuart Principles of political. In 3 vol. Vol. 1]. Moscow, Progress Publ., 1980. 495 p. (In Russian).
26. Povarov G.N. Norbert Viner i ego “Kibernetika” (ot redaktora perevoda) [Norbert Wiener and his “Cybernetics” (from the translation editor)]. Wiener N. *Kibernetika, ili Upravlenie i svyaz’ v zhitvotnom i mashine* [Cybernetics, or control and communication in the animal and the machine]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 5–28. (In Russian).
27. Ricardo D. *Sochineniya*. V 5 t. T. 1. *Nachala politicheskoi ekonomii i nalogovogo oblozheniya* [Works. In 5 vol. Vol. 1. The beginning of political economy and taxation]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955. 360 p. (In Russian).
28. Rozenberg N. Bernard Mandevill’ [Bernard Mandeville]. “*Nevidimaya ruka*” *rynka* [The Invisible Hand]. Ed. by J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman. Moscow, HSE Publ., 2009, pp. 267–270. (In Russian).
29. Selishchev N.Yu. *Nasledie merkantilizma i tendentsii deglobalizatsii na primere krizisa Evropeiskogo soyuza* [The mercantilist heritage and tendencies of de-globalization on the example of the EU crisis]. 2017, January 31. Available at: <https://medium.com/cemiras/nasledie-merkantilizma-i-tendentsii-deglobalizatsii-na-primere-krizisa-evropeiskogo-soyuza-e9a014049ce6> (accessed 17.05.2021).
30. Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 957 p. (In Russian).
31. Silin Ya.P., Animitsa E.G. Evolyutsiya paradigmy regional’noi ekonomiki [Evolution of the regional economics paradigm]. *Journal of New Economy*, 2020, vol. 21, no. 1, pp. 5–28. DOI: 10.29141/2658-5081-2020-21-1-1. (In Russian).
32. Schumpeter J.A. *Istoriya ekonomicheskogo analiza*. V 3 t. [History of economic analysis. In 3 vol.]. St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ., 2001. (In Russian).
33. Khudokormov A.G., Lapidus A., eds. *Ekonomicheskaya teoriya v istoricheskom razviti. Vzglyad iz Frantsii i Rossii* [Economic theory in historical development: a view from France and Russia]. Moscow, Infra-M Publ., 2016. 783 p. (In Russian).
34. Bakewell P.J. *Miners of the Red Mountain: Indian Labor in Potosí, 1545–1650*. Albuquerque, University of New Mexico Press, 1984. 213 p.
35. Bodin J. *Les six livres de la République: Un abrégé du texte de l’édition de Paris de 1583*. Édition et présentation de Gérard Mairet. Paris, 2011.
36. Cantillon R. *Essai sur la nature du commerce en general (1755)*. Français modernisé par Couvreur Stéphane, 2011, Décembre 3. Available at: <https://www.institutcoppet.org/cantillon-essai-sur-la-nature-du-commerce-en-general-1755/> (accessed 17.05.2021).
37. Cantor G. *Gesammelte Abhandlungen*. Berlin, Springer, 1932. 486 p.
38. Heckscher E.F. *Mercantilism*. Introduction by L. Magnusson. London, New York, 1994. 478 p.
39. MacRaild D.M., Taylor A. *Social Theory and Social History*. New York, Palgrave Macmillan, 2004. 203 p.
40. Menger C. *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*. Wien, W. Braumüller, 1871. 285 S.
41. Roll E. *The History of Economic Thought*. London, Faber and Faber, 1938. 430 p.

42. Urquart R. The trade wind, the statesman and the system of commerce: Sir James Steuart's vision of political economy. *European Journal of the History of Economic Thought*, 1996, vol. 3, no. 3, pp. 379–410.
43. Wallerstein I. *The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750*. New York, London, Academic Press, 1980. 370 p.
44. Wilson C. *England's Apprenticeship, 1603–1763*. London, New York, Longman, 1984. 433 p.

The article was received on 16.09.2020.

The article was reviewed on 21.10.2020.